

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Г. ЛИТАВРИН. БОЛГАРИЯ И ВИЗАНТИЯ В XI—XII вв.

Издательство АН СССР. М., 1960, 472 стр.

Книга Г. Г. Литаврина посвящена истории Болгарии и Византии в тот период, когда народы этих стран находились под властью византийского императора, осуществлявшего централизованное господство византийской знати. В монографии изучается общественный строй Болгарии и политика византийского правительства по отношению к населению северной и центральной части Балканского полуострова, в основном, как указывается в заглавии, в XI и XII вв., когда в Болгарии устанавливались византийские порядки и формировались институты феодального общества. Труд Г. Г. Литаврина, естественно, представляет собой поэтому важное исследование и внутренней истории Византии. Автор справедливо отмечает, что при изучении истории Болгарии как византийской провинции историкам в основном приходится иметь дело с анализом положения народных масс и их движениями против завоевателей и против феодального гнета в целом. В качестве одной из трудных проблем, стоявшей перед исследователем, он отмечает вопрос о постепенном переходе центра народных движений из юго-западной в северо-восточную часть Болгарии.

Монография открывается анализом аграрных отношений в Болгарии в период византийского господства. Автор начинает с исследования производительных сил, посвящая первый раздел главы занятиям населения страны и орудиям труда. Опираясь преимущественно на археологический материал, автор показывает, что в основном болгарский крестьянин-земледелец ничем не отличался от византийского крестьянина того времени. Так же как и в Византии X—XI вв., мельницы в Болгарии были и водяные, и приводимые в движение животными. Очень распространено было скотоводство, особенно свиноводство. Автором приведены исчерпывающие сведения о наличии развитого ремесла в Болгарии XI—XII вв. и убедительно опровергнута теория упадка городов в это время. Города являлись не только административными центрами, но и средоточием ремесла и торговли; они располагали обширной сельскохозяйственной территорией и, таким образом, сами себя прокармливали (стр. 24). Предположение автора, что подъем городов относится только к западной части Болгарии, а на северо-востоке, наоборот, происходил упадок, неубедительно: упадок Плиски и Преслава объясняется не экономическими особенностями запада Балканского полуострова, а лишь тем, что эти города перестали быть административными центрами крупного государства, куда стекались средства со всей страны. В то же время новые города, вроде Тырново, более приспособленные для торговли, стали быстро развиваться (стр. 37—38).

Второй раздел монографии посвящен свободному крестьянству и общине. Г. Г. Литаврин совершенно резонно считает, что наличие свободного крестьянства нельзя признавать только пережитком дофеодальных отношений. Оно существовало — наряду с крепостным — в продолжение всего средневековья, и притом везде — и в Византии, и в Западной Европе (стр. 40). Это совершенно понятно: ведь параллельно концентрации земельной собственности происходило и распыление ее в результате наследования в больших семьях.

При анализе состава сельского населения автору монографии пришлось столкнуться с теорией Каждана — Острогорского о государственном прикреплении свободного крестьянства к земле и превращении крестьян в государственных крепостных. Г. Г. Литаврин совершенно справедливо возражает против этой теории: ни в синаггах Василия II, ни в указе Цимисхия нет и намек на прикрепление крестьян к их тяглу. Запрет переселяться на экзимируемую территорию вовсе не говорит о прикреплении крестьянина к его участку. Мы можем сказать, что аналогичными были

мероприятия IV—V вв., когда запрещался переход крестьян под патроний знатных людей. Запрет отдаваться под власть лица, пользующегося экскусией, вовсе не говорит о потере крестьянином свободы передвижения. Г. Г. Литаврин прекрасно показал, что в XI в. по-прежнему существовали свободные крестьяне. Попутно он коснулся и вопроса о государственной собственности на землю (стр. 55). Автор склоняется к тому, чтобы признать ее наличие в Византии. Нам не кажется убедительной его аргументация, поскольку он совершенно не затрагивает вопроса о правах суверенного государства, — а без этого проблему нельзя разрешить.

Говоря о наличии свободного крестьянства, Г. Г. Литаврин не мог не коснуться «большого» вопроса — кого же можно считать свободным крестьянином? В противовес А. П. Каждану, который усматривает несвободных в крестьянах-налогоплательщиках, Г. Г. Литаврин условно считает свободными всех независимых от частных землевладельцев (стр. 57). Это определение слишком широко; ведь существовали и императорские, и казенные хозяйства, и казенные парики.

Говоря о частной собственности на землю в византийской деревне, Г. Г. Литаврин полагает, что тезис Панченко, отвергавшего общинное землевладение, является признанием извечности крестьянской частной собственности на землю. Разумеется, представление об извечности частной собственности на землю вообще реакционно по своему существу. Но ведь у византинистов вопрос ставится иначе — всегда ли в Византии существовала частная крестьянская собственность на землю? В Византии, возникшей на территории, население которой уже в течение тысячелетия было вовлечено в товарное хозяйство и несколько столетий испытывало влияние римского права? Я склонен думать, что признание частной крестьянской собственности на землю в качестве изначально существовавшей в Византии является единственным научно допустимым. Конечно, для монографии об общественном строе в Византии и Болгарии в XI в. этот вопрос не является проблемой исследования.

Рассматривая эволюцию частной собственности в XII в., Г. Г. Литаврин высказывает мнение, что именно тогда частновладельческая земля перешла на положение государственной. Любопытно, однако, что современники называли эту «верховную собственность» государства на частную землю просто грабежом (Иоанн Антиохийский характеризовал таким образом захват государством церковно-монастырской земли, а Никита Хониат — переход частной под власть прониаров). В Византии не существовало какого-либо общего законодательно оформленного перехода крестьянской собственности в собственность государства; были лишь спорадические акты экспроприации как со стороны феодальных магнатов, так и феодального государства.

В третьем разделе монографии трактуется проблема церковно-монастырской собственности в болгарских провинциях Византии. Г. Г. Литаврин считает, что в Первом Болгарском царстве церковно-монастырская собственность была относительно слабой; в XI в. она укрепилась в значительной степени в результате дарений, а также вследствие политики византийских императоров, стремившихся в лице болгарских иерархов приобрести союзников для подчинения местного населения. С середины XII в., по Г. Г. Литаврину, начинается натиск светских феодальных магнатов на церковные владения. Автор монографии утверждает, что важную роль в подчинении местного населения сыграли византийские монастыри (стр. 96—97). Насаждение мощных византийских монастырей на Балканах осуществлялось империей в определенных политических целях. Акты свидетельствуют, что основывались именно крупные монастыри, а мелкие постепенно попадали к ним в подчинение. Автор отмечает, что развивались самостоятельные (например, афонские), либо ктиторские монастыри (как Бакуриана). Попутно он приводит ряд конкретных данных о харистиках. Хотя монастырское землевладение подвергалось харистикам, тем не менее в борьбе против светских магнатов оно оказалось более крепким, чем церковное (стр. 119).

В разделе «Светское землевладение» автор в первую очередь останавливается на термине *καστήριον*, под которым, по мнению автора, следует понимать местную военно-служилую знать (стр. 132): к концу XI в. она стала настолько сильной, что два представителя болгарской знати были даже соперниками Алексея Комнина, притязавшими на императорскую власть.

Далее автор останавливается на роли василикатов в развитии светского феодального землевладения. Не совсем ясным представляется здесь употребление термина «государственная земля»: является ли это обозначением казенной земли или же вообще земли, входящей в состав территории государства; непонятен поэтому тезис автора о стирании разницы между императорской и «государственной» землей. Г. Г. Литаврин считает, что «в новелле Василия II от 996 г. ясно заявлены верховные права государства на все земли». Нам кажется, напротив, что в этой новелле проводится четкая разница между государственными и частными землями: судя по документу, правительство имеет право разыскивать казенные имения, попавшие в частные руки, и при этом безотносительно к давности перехода, хотя бы он произошел во времена императора Августа! Конечно, такой порядок содействовал умножению императорских земель. В данном случае более аргументированным является положение Л. Брейе об укреплении в XI в. доменальных владений казны (стр. 143).

Приступая к пересмотру проблемы генезиса пронии, Г. Г. Литаврин признает главным принципом, на основе которого происходило формирование данного института, условную собственность. Это совершенно правильно, только, по нашему мнению, автор напрасно противопоставляет два юридических понятия — право на доход и условную собственность. Ведь в Византии того времени права и привилегии являлись предметом купли-продажи.

В монографии собраны все конкретные факты о разделе проний в болгарских провинциях. Подчеркивается, что пронии стали передаваться не только императором, но и магнатами; это приводило к созданию феодальной иерархии. Что касается этнического состава крупных землевладельцев, то, по мнению автора, в XII в. земли и пронии в болгарских провинциях империи предоставлялись в основном не болгарам, а грекам.

В четвертом разделе автор обстоятельно аргументирует выдвигаемое им положение, согласно которому собственные господские хозяйства духовных и светских феодалов в болгарских провинциях были весьма значительны; они испытывали большую нужду в рабочей силе; именно этим, по мнению автора, и объяснялась острая борьба за превращение крестьян в зависимых людей.

Не совсем ясно толкование автором вопроса о роли аренды в процессе превращения арендатора в зависимого крестьянина. Непонятно, каким образом земледелец, арендующий участок сроком на 25 лет, превращался в феодально-зависимого. С полной категоричностью судить о таком превращении можно лишь при условии, если априорно предположить, что, кроме этой земли, арендатор не может арендовать другой участок у другого землевладельца. Разумеется, в данном случае определенную роль могло играть только ростовщичество, но не аренда как таковая.

Пятый раздел книги посвящен категориям зависимого крестьянства. Следует отметить, что фактический материал, относящийся к этой теме, содержится не только здесь. Отдельные термины, касающиеся зависимого крестьянства, разбросаны и в других разделах (ипостатики — стр. 70; вопрос об *ἐνομοι* и *ἐλεύθεροι*, связанных с ними). Данный раздел является наиболее значительным по количеству конкретных данных и по числу новых толкований терминов. Он имеет особое значение для изучения внутренней истории Византии, которое тем более велико, что вопрос о правовом статусе различных прослоек сельского населения и о формах перехода из одной юридической категории в другую еще недостаточно разработан в литературе.

Некоторые положения автора вызывают возражения. Так, автор включает в одну и ту же группу крестьян: париков, не уплачивающих казне, авлитов, гипургов, гиперетов, дулевтов, актимонов, поселенцев — *ἐνομοι* — и «вольных» — *ἐλεύθεροι*. Но можно ли относить к одной социальной категории только по признаку отсутствия самостоятельного хозяйства, не учитывая юридического статуса лиц, о которых идет речь? При таком подходе перед историком возникает опасность симплификации: общество в его глазах теряет свой специфический социальный облик, определяющийся особенностями данной формации, и оказывается разделенным только на богатых и бедных. Особенно необходимо принимать во внимание юридический статус в изысканиях по истории докапиталистических классовых обществ, где юридический статус имел важное значение. Как указывал В. И. Ленин, в условиях крепостничества источником эксплуатации трудящихся являлась не только экономическая зависимость, но и сословное неравноправие. Пренебрежительное отношение к юридическим различиям, принятое у некоторых исследователей, по нашему мнению, является плодом известной модернизации. Если в эпоху капитализма юридические «права» и «свободы» являются фикциями, то этого нельзя сказать о докапиталистических формациях. Раб или не-раб, крепостной или не-крепостной, крестьянин или дворянин с его правами — все эти категории отнюдь не были фикцией; какими бы нищими не являлись римский люмпен-пролетарий, средневековый странствующий рыцарь или шляхтич из гололоты, каждый из них мог в той или иной степени реализовать свои «права», и, наоборот, как бы ни был зажиточен римский раб на пекунии или средневековый польский хлоп, его благосостояние могло быть легко уничтожено в силу его бесправия.

Много места уделяет автор анализу статуса элэфтеров. Нам кажется непонятным, однако, почему элэфтера нельзя отождествить с мистием? Слово элэфгер — буквально: «вольный» — нужно понимать именно как обозначение лица, принимающего работу по вольному найму. Какие же есть основания, чтобы признавать элэфтера лично-зависимым? Разумеется, в классовом обществе всякий трудящийся находится в приниженном положении, но это еще не говорит о его юридической зависимости, о том, что он подвергается законодательно оформленному внеэкономическому принуждению. Верно, конечно, что имения передавались с элэфтерами; но этот факт вовсе не означает, что они были прикреплены к данному имению или являлись собственностью данного лица. Смысл формулы «вместе с элэфтерами и рабами» заключался лишь в том, что имение передавалось «на полном ходу», обеспеченное рабочей силой, — это было особенно важно в то время, когда повсюду имел место недостаток в рабочей силе. То обстоятельство, что элэфтеров часто упоминают наряду с

рабами, также не доказывает сходства их социального статуса; оно свидетельствует только о возможности замены рабского труда вольнонаемным. Обращения в суд с исками к эфетерам вполне понятны в условиях борьбы за рабочие руки, хотя бы и нанятые по вольному найму на определенный срок. Не выдерживает критики попытка определить понятие «вольный» свободой от налогов: эфетеры платили налоги. Следует отметить, что в поздней Византии почти исчезает слово мистий: оно заменяется, как мы полагаем, словом эфетер. В XIII—XV вв. на Балканах имелось достаточно людских резервов для пополнения этой группы населения. Балканы в поздневизантийский период были исключительно «балканизированы». Болгария, Сербия, Босния, княжества латинских феодалов, Эпир: стоило только перейти границу — и бывший парик становился эфетером. Конечно, в XI—XII вв. бегство было более затруднено. Известно, что часть эфетеров селилась на землях феодалов и в конце концов превращалась в париков (Ксенофские эфетеры превратились в париков уже через 18 лет). Относительно некоторых эфетеров можно предположить, что они долгое время сохраняли свой статус.

В монографии нет особых материалов, показывающих, на каких условиях принимаются на поселение неимущие бродячие эфетеры (*προσκαίηρται πτωχοί ἐφετέροι*). Острогорский полагает, правда, что «быть записанным в практик какого-либо владельца значит быть его крепостным-париком», но вряд ли это соответствует действительности. Если отдельные лица вносятся в практик как эфетеры, то это означает, что они сохраняют свой статус эфетеров. В монографии четко проводится мысль, что по своему юридическому статусу эфетер, как и любой мистий, приближается к рабу. Этот тезис также является спорным. Эфетер располагал всеми привилегиями и подвергался всем ограничениям, которые были характерны для бедного, но свободного человека. Он не имел права свидетельствовать в суде, — но этого права лишались все свободные, имущество которых оценивалось ниже 50 номисм. Г. Г. Литаврин (стр. 192) считает, что беглого мистия возвращали как раба и что по Василикам мистий вообще приравнивался к рабу. В данном случае Г. Г. Литаврин введён в заблуждение А. П. Казданом¹, который приводил тексты из Василик, содержащие термин «мистот», а не «мистий». Между тем в Василиках термин «мистот» никогда не означает наемного работника, мистия, но является переводом слова колон, т. е., в условиях X—XI вв., — парик. В схолиях к Василикам для обозначения наемного работника употребляется только слово мистий. Что же касается отдельных случаев принудительного возвращения мистия на работу, то совершенно естественно, что мистий, получивший, согласно законодательству того времени, заработную плату за месяц вперед, принуждался к выполнению работы.

Недостаточно выяснен в монографии вопрос о правовом и экономическом положении клириков, которые, подобно министериялам Запада, должны были нести службу сеньору, т. е. епископу или монастырю. Несмотря на ряд недоговоренностей, а подчас и спорных суждений, раздел о категориях крестьянства является одним из наиболее ценных в рецензируемой книге.

Много места уделяется в ней и проблеме феодальной ренты и методов ее реализации. Хотя количество сохранившихся источников очень невелико, автор, тщательно разбирая данные монастырских архивов, делает вполне аргументированный вывод о преобладании в XI—XII вв. в болгарской деревне отработочной ренты, отмечая, впрочем, и большое значение продуктовой ренты (стр. 201—208). Эти положения вполне согласуются с результатом исследований Ф. Дальгера, писавшего о карликовых крестьянских участках и огромных доменальных хозяйствах в поздней Византии. При изучении налогового обложения XI—XII вв. автор полемизирует с положением А. П. Каздана о том, что византийские налоги не имели уже ничего общего с налогами диоклетиановской системы, что они *взимались не с определенной единицы хозяйства, а вне связи с размером имущества зависимого крестьянина*. Г. Г. Литаврин с полным основанием отвергает это положение, считая, что оно во всяком случае не соответствует историческим условиям XI в.: «Трактат об обложении» почти полностью исходит из старинной системы обложения. По мнению автора, не имеет значения, сохранили или не сохранили налоги свою старинную форму. Поскольку господствующим классом были феодалы, всякое взимание налога уже являлось феодальной рентой. Мне кажется, однако, что и в феодальном обществе нельзя отождествлять налог и ренту: для какого бы класса ни собирались налоги, они шли не в пользу частного землевладельца, а государству, т. е. господствующему классу в целом; налог превращался в ренту только при передаче его в пользу отдельного лица.

Полемизируя с А. П. Казданом относительно формы налога, автор рецензируемой монографии присоединяется к его положению о том, что «наряду с подчинением

¹ А. П. К а з д а н. Формирование феодального поместья в Византии X века. ВВ, XI, 1956, стр. 106; повторено в кн.: Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 113. Ссылка на Василики, IV, I, 3 дана неправильно. Схолия 60, 17, стр. 577 говорит о колонне.

крестьян феодальному поместью имело место централизованное подчинение общины государству» (стр. 216). Я совершенно отказываюсь понимать это положение. Разве до того времени, когда поместье подчинило крестьян, община не была подчинена государству? Крестьянские общины были подчинены ему и при Юстиниане, и во времена «Земледельческого закона». Мне не известен такой период истории Византии, когда община не находилась бы в подчинении государства. Перемены, касающиеся сбора налогов с крестьян, выражались лишь в том, что в XI в. и в последующие столетия налоги стали передаваться частным лицам за несение службы. Там же, где этого не было, налоги по-прежнему собирались практиками, так что никаких изменений ни по существу, ни по форме не произошло. Поэтому я не вижу оснований для признания «догмата о пресуществлении» налога в централизованную ренту. Автор, впрочем, не полностью следует положению о том, что крестьянин, платящий феодальному государству, тем самым уже превращался в парика. Г. Г. Литаврин отмечает: «Парика, соединенная с личной зависимостью, означала в XI—XII вв. гораздо больший гнет, чем простое подданство в условиях феодального государства» (стр. 219). Если говорить о подлинной феодальной ренте, как она сложилась в феодальном поместье, то генетически она не связана с государственным налогом (стр. 218). Эти положения автора монографии показывают, что он только терминологически примыкает к теории Острогорского — Каждана, в конкретном же анализе — отвергает ее.

При изучении иммунитета в болгарских провинциях Византии автор четко разделяет две стороны вопроса — иммунитет как юридическое оформление прав землевладельца над населением и иммунитет как совокупность прав, узурпированных у крестьянской общины и государства. Не присоединяясь целиком к мнению А. П. Каждана о том, что освобождение от налогов являлось как бы признаком принадлежности к господствующему классу, Г. Г. Литаврин, тем не менее, признает наличие такого рода тенденции: освобождение от налогов означало для феодалов уступку феодальным государством прав на внеэкономическое принуждение над местным населением. Очень правомерен вывод, что сущность привилегии — в сборе налогов и что феодалу иногда могло быть выгоднее получение права собирать налоги, чем освобождение от налогов местного населения, жившего на его землях (стр. 230).

Автор приводит много ценных конкретных данных об иммунитете. В монографии отмечается, что иммунитет новооткрываемых монастырей восходил к тем территориям, которые и до основания монастыря пользовались иммунитетом (стр. 235). Нам кажется, что при характеристике иммунитета в Византии и в странах, находившихся под ее влиянием, нельзя не учитывать пережитков рабовладельческого общества в виде права *pater familias*. Эти права, закрепляемые рецептированным правом, в XI в. в переосмысленном виде вошли в сферу действия иммунитета. При определении комплекса прав над населением нельзя не учитывать и специфики монастырского режима, и традиционных, существовавших еще с IV в. прерогатив церковного и монастырского землевладения. Г. Г. Литаврин приводит данные о наличии в XI в. в болгарских провинциях ярко выраженных стремлений к созданию феодальной военной силы у крупных землевладельцев, особенно у членов императорской фамилии; он оттеняет положение вестигартов, которые были подлинными ленниками крупных магнатов. В заключение автор приходит к выводу, что не следует преувеличивать развития феодальных институтов в Болгарии IX—X вв.: они окончательно оформились уже во время византийского господства (стр. 247).

Первый раздел главы второй («Политика Византии в завоеванной Болгарии») посвящен организации управления. Автор критикует старинную точку зрения В. Златарского, согласно которой Болгария после завоевания пользовалась внутренней автономией на основе якобы особой договоренности с болгарской знатью. Автор доказывает, что слово *υπόσπονδος* означает вовсе не договорные отношения, а полное, безусловное подчинение (стр. 256). Сохранение налогов в прежнем виде не означало сохранения прежних порядков управления; оно объяснялось исключительным разорением Болгарии. То обстоятельство, что болгарская церковь во времена византийского господства была действительно автокефальной, т. е. пользовалась самостоятельностью от константинопольского патриарха, не имеет никакого отношения к гражданскому и военному управлению; предоставление автокефалии объясняется лишь стремлением византийского правительства при помощи церкви влиять на население страны. Болгарская церковь получала ряд существенных привилегий, но должности епископов занимали в основном греки, а не болгары; монастыри в большинстве случаев были греческими; и церковные иерархи, и монастыри проводили политику «ромеизации» (стр. 367).

Разбирая сложный вопрос о болгарских фемах, автор приходит к выводу, что это понятие в XI—XII вв. потеряло прежнее значение: «фема» тогда означала вообще административную единицу. В фему-катепанат «Болгария» включались мелкие фемы. К середине XII в. «Болгария» как крупная административная единица вообще перестала существовать (стр. 272). Автор отмечает, что по мере ослабления центральной власти и укрепления феодальных институтов территориальный принцип в администрации и военном деле уступает сословно-иерархическому (стр. 273).

В монографии указывается, что организация управления в византийской Болгарии строилась только по византийским образцам, никаких особых порядков для Болгарии не устанавливалось. Так же, как и в греческих провинциях Византии, прежнее деление на фемы стало в Болгарии анахронизмом вследствие быстрого сокращения числа свободных крестьянских общин. Роль саноной знати несколько изменилась: старое деление знати на сановную и провинциальную, землевладельческую, стало исчезать — местная знать приобретала все функции саноной (стр. 288). Автор отмечает, что по мере развития местной власти правительство пытается создавать новые должности, носителям которых передаются права наместников императора (в отдельных крупных районах). В связи с падением реальной власти центра такие должности, однако, зачастую превращались в пустые титулы.

Рассматривая спорный вопрос о финансовой организации болгарских провинций, автор признает, что наряду со сборщиками налогов (практорами), подчиненными местным властям, существовали практоры и анаграфевсы, непосредственно подчиненные центральному правительству (стр. 299—300). Функции контроля, как отмечается в монографии, были гипертрофированы, поэтому население рассматривало приезд ревизоров буквально как бедствие. Превращение местного феодала в должностное лицо и обратно — чиновника в феодала создавало, по мнению автора, условия для развития децентрализации власти и для облегчения возможностей внеэкономического и экономического давления на трудящихся.

Переходя к анализу налогового обложения, автор убедительно показывает, что основным налогом, как бы он ни назывался, оставался налог с зевгария — упряжки волов и земельного участка соответствующего размера. Кроме того, тяжелыми для населения были икомодий (с точки зрения автора — добавочный налог в пользу чиновника, осуществляющего свои функции на местах), зевгологий — налог со скота, помимо того, что взимался в качестве зевгаратика, посмоксимийон — обязанность поставлять по низким ценам продукты чиновникам, отročина — налог за дулопариков. Речные пошлины за проезд по мостам были столь велики, что население предпочитало вовсе не пользоваться мостами (стр. 335).

Характеризуя воинскую повинность, Г. Г. Литаврин, вопреки А. П. Каждану, считает, что отряды крестьян-пехотинцев в системе византийского войска не исчезли. Однако по имеющимся данным невозможно определить, составляли ли эти вспомогательные отряды из свободных крестьян-стратиготов или же из зависимых крестьян. Набор пеших воинов очевидно затрагивал интересы землевладельцев, в частности церковных.

Большим бедствием для населения была, как указывает Г. Г. Литаврин, и порча монеты, которая достигала значительных размеров в XI и особенно в XII в.: правительство платило обесцененными деньгами, а налоги взимало в старой полноценной монете.

Третья глава книги посвящена классовой борьбе болгарского народа во время византийского господства. Анализируя состав восставших в 1040—1041 гг., автор приходит к выводу, что восстание это, будучи национально-освободительным движением, носило вместе с тем и антифеодальный характер. В нем принимали участие не только болгары и влахы, но и греки и албанцы; именно противоречия в лагере повстанцев привели их к поражению (стр. 385). В восстаниях принимала известное участие и болгарская знать; после восстаний (особенно 1090 г.) византийское правительство стремилось предоставить земли в болгарских провинциях исключительно грекам; в дальнейшем это заставило болгарских землевладельцев примкнуть к движению против византийского господства.

В конце главы Г. Г. Литаврин описывает восстание 1185—1186 гг. — эпизод двухвекового периода болгарской истории. Автор опровергает точку зрения румынских историков, что в восстании 1185 г. решающую роль сыграли не болгары, а влахы. Начало восстания Г. Г. Литаврин относит к лету 1185 г., поддерживая точку зрения Д. Ангелова и И. Дуйчева. Трудно, однако, признать это предположение обоснованным, поскольку одновременное выступление норманнов на юге и болгарского населения на северо-востоке Византии было бы роковым для нее. Автор согласен с И. Дуйчевым, который относит мятеж Враны к весне 1186 г.; в этой связи подвергается сомнению достоверность основного источника — «Истории» Никиты Хониата, а также известий западных хроник об отъезде Конрада Монферратского (стр. 439). Отвергается и ряд других данных источников, особенно о том, что Асеню и Петру не сразу удалось поднять болгар на восстание, что для этого потребовалась длительная «пропагандистская» работа. Автором не принято во внимание, что Исаак не сразу решился назначить Врану командующим войском против болгар. По нашему мнению, гораздо вероятнее считать годом восстания Враны 1187 г., а мирный договор датировать 1188 г.

Восстание 1185—1186 гг. автор считает стихийным, но не перешедшим в антифеодальное; думается, что стихийность восстания несколько преувеличена; приняв этот тезис, трудно объяснить, почему оно не переросло в антифеодальное; будь оно полностью стихийным, антифеодальный характер восстания обнаружился бы уже с

самого его начала. Отсутствие сведений об участии в нем богомилов, с одной стороны, а с другой — данные о союзе восставших с официальной православной болгарской церковью (культ св. Димитрия) говорят о серьезном участии болгарской знати не только в руководстве, но и в подготовке восстания. Разумеется, восстание победило только в результате широкого участия в нем народных масс; успех восстания определялся также и другим обстоятельством: в результате развития феодальных институтов местная знать была уже настолько мощной, что не нуждалась в силе византийского централизованного государства для подавления трудящихся и смело выступила во главе народных масс против иноземного господства над Болгарией.

Поставленный в начале книги вопрос о том, почему центр движения против византийского господства переместился с запада на северо-восток, по нашему мнению, легче объяснить именно тем, что на юго-западе и знать, и монастыри были уже почти полностью греческими, тогда как на северо-востоке существовала более значительная прослойка болгарской знати и болгарских монастырей. Это дало возможность создать на северо-востоке Болгарии единый фронт болгарских крестьян, знати, церковников и монахов, выступивших против византийского ига. Именно в обстановке единого фронта можно было и изгнать иноземных завоевателей, и создать самостоятельное Болгарское царство, в котором — в отличие от Первого Болгарского царства — феодальные институты получили полное развитие.

Монография Г. Г. Литаврина охватывает широкий круг важнейших проблем истории Болгарии и Византии XI—XII вв. Вопросы внутренней истории разбираются в монографии в связи с анализом дальнейшего развития социальных отношений в поздней Византии XIII—XIV вв. Все важнейшие вопросы темы автор решает самостоятельно, в каждом отдельном случае опираясь на основательно собранный материал из имеющихся источников, тщательно учитывая всю литературу вопроса. Монография Г. Г. Литаврина — безусловно ценное приобретение советской византистики и советского славноведения.

М. Я. Сюзюмов

ИОРДАН. О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДЕЯНИЯХ ГЕТОВ (GETICA).

Вступительная статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

Лежащее перед нами научно комментированное издание известного сочинения Иордана, впервые выпущенное у нас в свет в латинском оригинале с параллельным русским переводом, представляет собою большой научно-исследовательский труд крупного размаха и значения.

Подход к комментированному изданию нарративного источника может быть весьма различным, но научно наиболее плодотворным следует считать такой метод комментирования, при котором данный источник становится исходным пунктом целого ряда исследований комментатора, освещающих и разъясняющих исторические процессы и события, упомянутые или отраженные в данном источнике. Е. Ч. Скржинская избрала именно этот метод, и поэтому ее комментарии в своей совокупности дают целую энциклопедию не только по Иордану, а и по всей эпохе, которая так или иначе затронута в его работе. Многие комментарии Е. Ч. Скржинской являются значительными исследовательскими статьями, в которых автор впервые (не только в советской, но и в зарубежной историографии) самостоятельно вскрывает различные пласты в истории упомянутых у Иордана племен и устанавливает целый ряд фактов, относящихся к происхождению этих племен, их взаимоотношениям друг с другом, особенностям социального строя, к деятельности их вождей и королей и т. д. В большинстве случаев комментатор достигает этого путем самостоятельного решения спорных вопросов и посредством критического сопоставления различных точек зрения, высказанных в научной литературе на различных европейских языках (русском, немецком, французском, английском и итальянском). Возможность такого самостоятельного решения научных контроверз и уточнения ряда выводов исторической науки простекает из углубленного изучения комментатором весьма обширного круга разнообразных источников по истории раннего средневековья: сочинений греческих и римских писателей, византийских хроник, законодательных памятников, агрографии, надписей и др. (с привлечением данных археологии)¹. Только такое глубокое исследование всех этих исторических источников, прекрасным знанием которых является Е. Ч. Скржинская, позволило ей идти указанным выше путем и в своих комментариях к Иордану не ограничиться его собственными данными и известиями его современников, а все время последовательно проводить сопоставление произведений писателей VI в. с более ранними и более поздними памятниками. В результате комментариев к Иордану превратился в большой исследователь-

¹ Перечень этих источников см. в списке сокращений и в указателях имен к латинскому тексту Иордана и русскому переводу.